

УДК 930:94(100)«1914/1918»

ТРАНСНАЦИОНАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ В НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ ДЖ. УИНТЕРА

Н. В. ГЛИБИЩУК¹⁾

¹⁾Черновицкий национальный университет им. Юрия Федьковича,
ул. Коцюбинского, 2, 58012, г. Черновцы, Украина

На примере научных исследований известного американского историка Дж. Уинтера проанализирован транснациональный подход и его преимущества в изучении Первой мировой войны. Внимание уделено характеристике этого метода и его особенностям. По мнению Дж. Уинтера, транснациональное измерение Великой войны 1914–1918 гг. позволяет выйти за узкие рамки национального нарратива и взглянуть на нее с новых позиций, давно изученные вопросы рассматривать в глобальном контексте, переосмысливать значение и последствия этого масштабного конфликта. Обрисованы исследовательские перспективы и возможности, которые открываются при применении данного подхода.

Ключевые слова: Первая мировая война; транснациональный подход; Дж. Уинтер; западная историография.

ТРАНСНАЦЫЯНАЛЬНАЯ ГІСТОРЫЯ ПЕРШАЙ СУСВЕТНАЙ ВАЙНЫ Ў НАВУКОВЫХ ДАСЛЕДАВАННЯХ ДЖ. УІНТЭРА

М. В. ГЛЫБІШЧУК^{1*}

^{1*}Чарнавіцкі нацыянальны ўніверсітэт імя Юрыя Федзьковіча,
вул. Кацюбінскага, 2, 58012, г. Чарнаўцы, Украіна

На прыкладзе навуковых даследаванняў вядомага амерыканскага гісторыка Дж. Уінтэра прааналізаваны транснацыянальны падыход і яго перавагі пры вывучэнні Першай сусветнай вайны. Увага надаецца характарыстыцы гэтага метаду і яго асаблівасцям. На думку Дж. Уінтэра, транснацыянальнае вымярэнне Вялікай вайны 1914–1918 гг. дазваляе выйсці за вузкія рамкі нацыянальнага нарратыву і зірнуць на яе з новых пазіцый, даўно вывучаныя пытанні разглядаць у глабальным кантэксце, пераасэнсоўваць значэнне і наступствы гэтага маштабнага канфлікту. Акрэслены даследчыя перспектывы і магчымасці, якія адкрываюцца пры выкарыстанні дадзенага падыходу.

Ключавыя словы: Першая сусветная вайна; транснацыянальны падыход; Дж. Уінтэр; заходняя гістарыяграфія.

Образец цитирования:

Глибищук НВ. Транснациональная история Первой мировой войны в научных исследованиях Дж. Уинтера. *Журнал Белорусского государственного университета. История*. 2020;3:93–101.
<https://doi.org/10.33581/2520-6338-2020-3-93-101>.

For citation:

Hlibischuk NV. A transnational history of the World War I in Jay Winter's research. *Journal of the Belarusian State University. History*. 2020;3:93–101. Russian.
<https://doi.org/10.33581/2520-6338-2020-3-93-101>.

Автор:

Николай Васильевич Глибищук – кандидат исторических наук; ассистент кафедры истории нового и новейшего времени факультета истории, политологии и международных отношений.

Author:

Nikolai V. Hlibischuk, PhD (history); assistant at the department of modern and contemporary history, faculty of history, political science and international relations.
m.hlibischuk@chnu.edu.ua

A TRANSNATIONAL HISTORY OF THE WORLD WAR I IN JAY WINTER'S RESEARCH

N. V. HLIBISCHUK^a

^aYuriy Fedkovych Chernivtsi National University, 2 Kotsubynskoho Street, Chernivtsi 58012, Ukraine

Based on the example of the scientific research of the famous american historian Jay Winter, the transnational approach and its advantages in the study of the World War I were analyzed in the article. The attention is paid to the characteristics of this method and its features. According to Jay Winter, transnational dimension of the Great War of 1914–1918 allows to go beyond the narrow national narrative and look at it from the new position, the questions which were studied a long time ago can be inserted in the broad global context and to rethink the meaning and consequences of this global conflict. The author also tried to outline the research perspectives and opportunities which are open in applying this approach.

Keywords: World War I; transnational approach; Jay Winter; Western historiography.

Введение

Когда-то известный британский писатель Редьярд Киплинг (1865–1936) сказал: «Что вы можете знать об Англии, зная только Англию?». Знаменитый литератор своим высказыванием хотел подчеркнуть, что невозможно учить историю британского государства, не обращая внимания на его обширные колониальные владения в XIX–XX вв., политические, социально-экономические и культурные особенности колоний, многочисленный этнический состав империи и т. д. Но если перефразировать этот афоризм, то можно уверенно утверждать, что нельзя исследовать Первую мировую войну, изучая ее только с позиций одного государства, участвовавшего в этом конфликте. Рассматривая Великую войну 1914–1918 гг. только с ракурса национальной историографии, мы заранее сужаем исследовательское поле и устанавливаем условные рамки, которые не позволяют всесторонне и беспристрастно анализировать историческое явление или событие. Тем не менее именно такой исследовательский фокус присущ историческим исследованиям на постсоветском пространстве, в то время как в современной западной историографии ситуация противоположная. Украинский исследователь Елена Бетлий метко подчеркивала это отличие: «Даже столетняя годовщина Первой мировой войны, хотя и увеличила количество публикаций, не вдохновила украинских исследователей расширить методологические подходы и разработать исходный материал в соответствии с различными векторами исторических исследований, а не фокусироваться только на “украинских сюжетах” войны, военной, дипломатической и политической истории. Оста-

ется пропасть между творчеством западной и отечественной (украинской. – Н. Г.) историографии. Это значительно ослабляет методологический инструментарий украинского историописания. Ведь западная историография войны развивалась в постоянной попытке переосмысления событий войны, с добавлением большего количества уточненных голосов, которые должны быть услышанными, с разработанной социальной историей войны, культурной историей войны и, в конце концов, исследования различных репрезентаций войны»¹ [1, с. 16–17]. Не будет преувеличением утверждать, что такая ситуация наблюдается в исторической науке не только Украины, но и других стран бывшего Советского Союза. Поэтому анализируемый в данной статье транснациональный подход к изучению Великой войны 1914–1918 гг. является перспективным исследовательским направлением для постсоветских историографий. Это продемонстрировано на примере некоторых научных работ одного из самых известных зарубежных исследователей в данной области Джея Уинтера.

Ученые с постсоветского пространства не так много внимания уделяли исследованиям американского автора. Лишь некоторые историки в своих публикациях пытались анализировать отдельные наработки Дж. Уинтера (см., например, [2–7]). К сожалению, главной причиной этого является наша неинтегрированность в западное академическое сообщество и языковой барьер. Подтверждением тому является незначительное количество работ Дж. Уинтера, переведенных с английского языка [8; 9].

Основная часть

Необходимо коротко остановиться на самой трактовке описанного подхода американским историком. По мнению Дж. Уинтера, транснациональное измерение Первой мировой войны не апеллирует к таким

политическим категориям, как нация, государство, военно-политические альянсы и т. п. Транснациональная история использует более широкие смысловые дефиниции и применяет многочисленные

¹ Здесь и далее перевод наш. – Н. Г.

(не только национальные) уровни исторического опыта. Как точно подмечает исследователь в одной из своих публикаций, транснациональный подход не рассматривает Великую войну как европейский конфликт, а задает более масштабную перспективу, позволяя узкие и часто давно изученные аспекты (например, солдатские мятежи) вводить в глобальный исторический контекст, который открывает новые исследовательские возможности [10, р. 6–7].

Начать анализ исследований американского ученого следует с коллективного проекта «Столицы во время войны: Лондон, Париж, Берлин. 1914–1919» (*Capital Cities at War: Paris, London, Berlin. 1914–1919*), инициаторами и идейными вдохновителями которого были Дж. Уинтер и его французский коллега Жан-Луи Робер [11; 12]. Цель двухтомного издания заключалась в получении ответа на вопрос о том, что случилось с населением метрополий в период между началом войны и демобилизацией. Отмечалось, что до сих пор исследователи были заложниками национального подхода, в рамках которого пытались совместить несовместимые показатели и опыт. В результате недостаточно изученной оставалась жизнь горожан, городской общины в военное время в пределах «домашнего фронта». В отличие от наций как «воображаемого сообщества» городская община – «проявленное сообщество», объединенное конкретными пространственными практиками и опытом городской жизни. Одним из результатов следования за национальным нарративом как раз и стал недостаток работ, посвященных истории городов во время войны [2, с. 61].

Рассматриваемый двухтомный тематический сборник статей, посвященный социальной и культурной истории названных метрополий, прежде всего показал, что исследовать войну через города не только возможно, но и необходимо. Выход за пределы национальной истории и компаративный анализ продемонстрировали, что выделение меньших, но важных единиц анализа (город – район – участок – улица) помогает увидеть, «что было общего между подобными единицами в различных странах, а что составляло национальные особенности военного опыта» [11, р. 553]. Показательно, что Уинтер и Робер в выводах к первому тому настаивали на том, что предложенный подход не отрицает национальные истории, а скорее способствует их переосмыслению. Этот же тезис ученые повторяют в выводах ко второму тому: «История метрополий не заменяет национальной истории; она помогает ее углубить и расширить» [11, р. 469].

Итак, при переходе с уровня исследования абстрактных наций к изучению жизни конкретных городов и их жителей в трудах историков появляются новые темы. В рамках социальной истории выделяются следующие исследовательские измерения:

1) «человеческое» (мобилизация, ее принципы, волны и особенности, потери в войне и связанные

с ними демографические изменения в городе, появление новых категорий горожан – раненых и больных солдат, беженцев, опека над ними, налаживание коммуникации между фронтовиками и гражданским населением в городе, становление нового социального порядка в городе);

2) экономическое (переход от мира к войне и наоборот, рынок труда и новые социальные роли горожан, мобилизация промышленности и переориентация промышленного комплекса города на нужды военного времени, демобилизация и безработица);

3) социальное (влияние войны на благосостояние жителей, появление новых категорий малообеспеченных горожан и меры по их поддержке на уровне города, определение новой шкалы социальных привилегий и прав);

4) логистическое (обеспечение города товарами первой необходимости, продуктами питания, топливом, дисциплинарная потребительская политика и предотвращение социальных бунтов, условия и стандарты проживания и решения квартирного вопроса, изменения в инфраструктуре и поддержание порядка в городе);

5) демографическое (система здравоохранения в городе и вызовы военного времени, болезни и эпидемии, смертность и демографическая ситуация в городах).

В рамках культурной истории выделяются следующие темы:

1) городское пространство (новые практики использования публичного пространства, вокзалы как ворота города и транзитные станции, милитаризация и феминизация улиц, ностальгия по мирной жизни и бремя тотальной войны, публичное пространство и культура досуга, частное и публичное в пределах города);

2) городская культура (появление новой политической культуры в городе, пропаганда знания о войне, новые практики и новый пространственный опыт, выставки и пропаганда, формирование новой «сопричастной» культуры в школах, студенческая культура времен войны, политизация публичного пространства);

3) «места общения» (семья, концепция дома и отношения между членами семьи; госпиталь как место между фронтом и домом и пространство, где военное переплетается с мирной жизнью; церковь и религиозные практики времен войны; жертвенность и духовная жизнь города; городские кладбища и формирование новой культуры памяти).

Двухтомное издание объединило авторов из разных стран и университетов, поэтому в нем не только показано, как на страницах одной статьи представить особенности каждого из исследуемых городов – Парижа, Лондона, Берлина, – но также продемонстрировано, как международный коллектив историков может работать над такими присвоенными

ми национальными нарративами темами, как история Первой мировой войны [2, с. 61–63].

Следующая книга, на которой стоит остановиться, – исследование Дж. Уинтера и его французского коллеги А. Проста «Великая война в истории. Дискуссии и противоречия с 1914 г. по настоящее время» (*The Great War in history. Debates and controversies, 1914 to the present*) [13], в котором авторы не только предложили оригинальное историографическое осмысление Первой мировой войны, но и охарактеризовали то, как писатели, журналисты, режиссеры и другие деятели культуры в течение века изображали этот конфликт. Кроме того, Дж. Уинтер и А. Прост выработали подходы к формированию единого видения Первой мировой войны, которые не ограничиваются национальными рамками. Во вступительной части авторы отмечают, что их коллективное исследование построено на достижениях западной исторической науки, подчеркивают свое стремление осветить общие тенденции и закономерности в изучении данной темы, исследовательские категории и понятия, которыми историки описывали эту войну [13, р. 1–5].

В первой главе, используя критерий поколений, Дж. Уинтер и А. Прост сформировали собственный подход к характеристике историографического наследия мирового конфликта 1914–1918 гг. Первую генерацию они назвали поколением Великой войны, которое охватывает людей, чья деятельность приходилась на 1914–1939 гг. Это были современники тех бурных событий, пытавшиеся описать свое понимание катаклизмов, – политики, дипломаты, генералы. Поколение Великой войны оставило богатое научное и мемуарное наследие. Ключевым предметом повествования в научных работах тех деятелей было государство, описание войны происходило через призму государственных институтов. Вторую генерацию Дж. Уинтер и А. Прост называют поколением 1950-х гг. К нему принадлежат историки, изучавшие войну в 1950–60-х гг. Они анализировали события Великой войны с позиций государства, но немало внимания уделяли и социальной истории, где главным персонажем в войне выступал человек. Такие новые тенденции были особенно заметны в то время в британской, американской и французской историографии. Третье поколение можно назвать вьетнамским. Представители этой генерации работали в 1970–80-х гг. Такое наименование возникло вследствие того, что историки в то время активно критиковали американскую военную кампанию во Вьетнаме и другие вооруженные конфликты, имевшие место в различных регионах мира. Четвертая генерация, которую выделяют авторы, – это транснациональное поколение. Термин «транснациональный» описывает доминирующую тенденцию в современной западной историографии Первой мировой войны. Не изображать это противостояние сквозь призму национальных нарративов, не описывать

с позиций европоцентризма, а, наоборот, отойти от западноевропейского взгляда и рассматривать события как транснациональный глобальный конфликт, который не ограничивался территорией континентальной Европы [13, р. 6–33].

В следующих частях книги авторы уделили внимание таким темам, как политическое и дипломатическое измерение Первой мировой войны, ее осмысление главнокомандующими армий, военными генералами и политическими деятелями, восприятие Первой мировой войны солдатами разных армий, экономическая история этого мирового конфликта, рабочее движение в 1914–1918 гг., европейское общество и война, культурная память о Великой войне. Во всех параграфах прослеживается, что Дж. Уинтер и А. Прост отказываются от национального дискурса Первой мировой войны и рассматривают ее с транснациональных позиций. Национальные историографические рамки часто препятствуют осмыслению масштабов и влияния этого противостояния на всемирную историю XX в. Завершается книга авторскими рассуждениями о характере исследуемого противостояния. Это последняя война в «длинном XIX в.» или первая «в коротком XX в.»? Возможно, это первый этап «второй тридцатилетней войны»? Подкрепив эти тезисы некоторыми аргументами, авторы оставляют читателю возможность сделать собственные выводы [13, р. 192–213].

Следующее исследование Дж. Уинтера, которое заслуживает особого внимания, – книга «Вспоминать войну: Великая война между памятью и историей в XX в.» (*Remembering war: The Great War between memory and history in the twentieth century*). В ней раскрывается тематика, приобретающая популярность не только в украинской исторической науке, но и на всем постсоветском пространстве, – исследования памяти (*memory studies*). Книга посвящена месту Великой войны в памяти и истории XX в. [14]. Одним из ключевых тезисов, который проходит магистральной линией сквозь эту работу, является то, что в годы Первой мировой войны и после нее появился ряд изображений и практик, которыми впоследствии стали описываться все будущие конфликты. Разделяя концепт культурной памяти, предложенный известными немецкими исследователями Я. Ассманом и А. Ассман, американский автор анализирует не только академическое измерение истории Первой мировой войны, но и публичный, часто не совпадавший с научными трактовками дискурс. Какие существовали режимы коллективной памяти, если трактовать ее как активную деятельность социальных групп в публичном пространстве? С помощью каких инструментов участники войны пробуждали свои воспоминания и передавали их тем, кто не был свидетелем тех событий? Не менее важным является то, что для освещения этой проблематики западный исследователь предложил собственную

научную категорию «историческое упоминание». В его понимании это способ интерпретации прошлого, который, с одной стороны, основывается на документальных нарративах, а с другой – на воспоминаниях людей, которые были современниками той войны.

В первой части рассматриваемой работы изучается вопрос памяти о Первой мировой войне в истории XX в. Дж. Уинтер утверждает, что представители нынешнего поколения исследователей далеко не первыми пытаются обратиться к проблематике коллективной памяти. Апеллирование к ней помогало строить идентичность для той или иной нации как в годы мирового конфликта, так и после него. Также немало места в первой части уделено такому феномену, как *посттравматический синдром (shell shock)*. Дж. Уинтер анализирует влияние этого заболевания на состояние солдат того времени, проследивает, как войны преодолевали этот послевоенный стресс и каким образом они бросали вызов героическим представлениям о войне. Автор на примере биографии британского героя Великой войны Лоуренса Аравийского продемонстрировал, что люди, которые воевали на фронтах, часто не могли приспособиться к послевоенным реалиям [14, р. 17–76].

Вторая часть книги посвящена практикам памяти о Первой мировой войне. В ней автор охарактеризовал, каким образом многочисленные фотосъемки изменили представления людей о той войне (в качестве примера упоминается коллекция фотодокументов венского медика Б. Бардаха, который служил в армии Австро-Венгрии), как военные британской, французской и немецкой армий на Западном фронте в письмах описывали этот конфликт. Также Дж. Уинтер показал, почему британские и французские интеллектуальные элиты по-разному отражали данное противоборство и какие факторы на это повлияли, как помнили эту войну в Британии и ее имперских доминионах и почему воспоминания о войне 1914–1918 гг. создали единое культурное пространство между метрополией и колониями, определил роль военных мемориалов как мест функционирования памяти о войне (памятник погибшим британским воинам в центре Лондона) и т. д. [14, р. 79–180].

В третьей части книги речь идет о различных театрах памяти Первой мировой войны. Дж. Уинтер акцентирует внимание на значении кинематографа в воспоминаниях о войне. Автор анализирует фильмы, которые имели наибольшее влияние на зрительскую аудиторию и вызвали оживленное обсуждение. Не осталась в стороне тема мировой войны в телевизионном пространстве, публичной истории и академических программах для исследователей. В частности, автор много внимания уделил освещению двух телевизионных проектов о Первой мировой войне, которые вызвали большой интерес у зрителей и ученых. Также Дж. Уинтер не обошел

вниманием и роль музеев в культурной памяти об этом конфликте. Завершает автор третью часть книги рассуждениями о современниках тех событий, их опыте, связанном с двумя мировыми войнами и Холокостом [14, р. 183–271].

В последней части ученый пишет о Великой войне в контексте «бума памяти» в XX в. Дж. Уинтер справедливо замечает, что такой интерес к данной проблематике вызывает некоторые предостережения. Во-первых, под таким ажиотажем завуалированно могут скрываться интересы различных политических сил. Во-вторых, не все воспоминания могут выдержать «испытание историей». Например, правые политические организации в Веймарской республике придерживались точки зрения, согласно которой войну они проиграли из-за «удара в спину», нанесенного евреями и социалистами в 1918 г. Этот миф стал одной из основ идейной доктрины нацистов, в которую многие немцы искренне верили. На самом деле немецкая армия проиграла на поле боя, однако указанное выше искажение событий имело катастрофические последствия для Германии. В-третьих, автор разделяет мнение известного французского историка Пьера Нора о том, что «бум памяти» ускоряет упадок национального государства, ведь «мемориальная модель открыла новое, непредсказуемое использование прошлого», а вместо истории появились групповые воспоминания, которые определяются категориями культурного капитала некоторых деятелей или сообществ, а не нации [14, р. 284]. Подытоживая, Дж. Уинтер отмечает, что вместо противопоставления истории и памяти как изолированных категорий есть смысл посмотреть на них как на два взаимодополняющих понятия, синтез которых может открыть новую перспективу [14, р. 275–289].

Следующая книга американского исследователя «Война за пределами слов. Языки памяти от Великой войны до наших дней» (*War beyond words. Languages of remembrance from Great War to the present*) [15] в известной степени является продолжением предыдущих его работ, однако в ней взгляд ученого фокусируется на несколько ином аспекте. Как справедливо подчеркивает автор во вступительной части, каждому языку присуща собственная лексика, в которой сохранены отпечатки этого конфликта, ведь то, как французы говорят о Первой мировой войне, не идентично тому, как ее вспоминают англичане и немцы. Авторский тезис о том, что именно язык формирует нашу память о войне, проходит магистральной линией сквозь всю работу. При этом Дж. Уинтер останавливается и на других различиях в описании мировой войны 1914–1918 гг. у каждого народа в скульптуре, живописи, кинематографе.

В первой части названной работы автор исследует векторы памяти о войне. Он анализирует, как новый тип военного противостояния повлиял на художественное искусство XX в. На примере кар-

тин О. Дикса и других художников Дж. Уинтер демонстрирует эти изменения (образы окопной войны, массовые бомбардировки и артиллерийские обстрелы). Далее внимание исследователя сосредоточивается на том, как революционные преобразования в технологии фотографирования изменили видение Первой мировой войны. Во-первых, в то время сотни солдат и офицеров могли беспрепятственно приобрести фотоаппарат, который накануне войны существенно подешевел. Во-вторых, благодаря фотографии никакие цензурные ограничения уже не могли скрыть правду. Это, в свою очередь, было важным фактором, который разрушил героическую мифологию войны, царившую в Европе в начале 1914 г. Также немало места уделено теме Первой мировой войны в кинематографе. Автор условно выделил несколько периодов, в течение которых война изображалась по-разному. Завершает Дж. Уинтер эту часть работы своими размышлениями об описании войны литераторами прошлого столетия [15, р. 7–117].

Вторая часть, состоящая из трех параграфов, посвящена рамкам воспоминаний, связанных с Первой мировой войной. Ученый начинает с проблематики мученичества и памяти о Первой мировой войне в XX в. Автор отмечает, что эта тема до сих пор остается актуальной, так как обсуждение отдельных ее аспектов (например, геноцид армян 1915 г.) до сих пор вызывает оживленные дискуссии. В следующем параграфе Дж. Уинтер анализирует, как в течение прошлых десятилетий трансформировались произведения европейских художников, мемориалы и музеи, созданные в память о войне 1914–1918 гг. и других вооруженных конфликтах. Исследователь отмечает, что определяющие изменения в иконографии военных мемориалов – это постепенная замена традиционного героического и вертикального изображения военных событий на горизонтальную ось, пространство для траура, созерцания ужаса смерти. Заканчивается эта часть работы авторскими размышлениями о молчании как о типе памяти о Первой мировой войне. Для автора эта тема важна. Многие солдаты, возвращавшиеся с фронта домой, никогда не упоминали о войне. Это было обусловлено разными причинами. Одни считали, что мирное население никогда не сможет понять военных ужасов. Другие не хотели рассказывать, чтобы быстрее адаптироваться к реалиям послевоенной жизни. Для Дж. Уинтера определяющую роль играет репрезентация значения тишины в жизни травмированных участников боевых действий. Как отмечает автор, напряжение и неуверенность, которые охватили многих воинов после 1918 г., были результатом этого замалчивания военных воспоминаний и именно оно привело к пацифистским настроениям в будущих поколениях. Молчание, как речь памяти, является интересным подходом, который ученый вплетает и в другие части работы, в результате

оно становится ключевым тезисом исследования [15, р. 121–202].

Заканчивает работу Дж. Уинтер суждениями о воздействии второй научной революции на характер и последствия Первой мировой войны. Автор показывает, как первый и второй «бумы памяти» трансформировали воспоминания о двух мировых конфликтах и повторяет магистральную идею книги: язык формирует наши воспоминания о войне [15, р. 203–208].

Завершить данный обзор следует работой Дж. Уинтера, которая является блестящим примером исследований, основанных на транснациональном подходе. Это коллективный трехтомный труд «Кембриджская история Первой мировой войны» (*The Cambridge history of the First World War*), где Дж. Уинтер выступает главным редактором [10; 16; 17]. Статьи для этой работы готовили известные специалисты по данной проблематике, в частности Ж. Ж. Беккер, А. Прост, П. Кеннеди, Дж. Хорн, П. Гатрелл и др. Каждая публикация, подготовленная для этого издания, была написана на основе источников и научных работ как предыдущих поколений историков, так и современных исследователей. К каждому тому прилагается иллюстративный материал в соответствии с тематикой (карты, схемы, таблицы).

Первый том состоит из четырех частей. Начинаясь с работы с рассмотрения истоков и причин военно-политического конфликта 1914–1918 гг., причем вместо хронологического повествования выбран проблемно-теоретический подход. Далее следуют главы, посвященные военным годам. Завершается первая часть параграфом о последствиях Первой мировой войны, где в центре внимания находится риторический вопрос: «Когда закончился 1919 год? Никто не знает» [10, р. 197]. Во второй части тома речь идет о театрах военных действий 1914–1918 гг. (Западный, Восточный, Итальянский фронты, баталии в воздухе и на море, стратегическое военное командование). Один из основных выводов, который делают авторы, заключается в том, что масштабная индустриальная война привела к таким проблемам, которые невозможно было решить по примеру бывших конфликтов, и продемонстрировала, что только четкая координация всех родов войск (на суше, море, в воздухе) гарантирует положительный исход военных операций. Это умозаключение станет для высшего стратегического командования некой аксиомой в следующих войнах XX в. В третьей части первого тома речь идет о различных регионах мира, где было заметно влияние войны 1914–1918 гг. (Азия, Африка, Северная и Латинская Америка и т. п.). Такая структура была направлена на то, чтобы еще раз показать глобальность Первой мировой войны. Последняя часть посвящена правилам, законам войны и военным преступлениям. Подобная проблематика далеко не всегда встречается в академических изданиях. В рассматриваемом исследовании прослеживаются довоенные и послевоенные попытки установить четкие юридические

и моральные рамки использования насилия во время военных действий с помощью мирных договоров как инструмента реализации таких ограничений. Но эти благие стремления ограничить военные зверства так и не удалось воплотить в жизнь, ведь события Второй мировой войны снова продемонстрировали эту проблему стирания всякой грани между гражданским населением и военными.

Второй том рассматриваемой работы посвящен проблематике государств и политической власти в годы Первой мировой войны. В нем раскрываются вопросы субъектов политики (главы стран и правительства, парламенты, дипломаты, гражданско-военные отношения), вооруженных сил (бой и тактика, боевой дух, мятежи, логистика, техника и вооружения, военнопленные), «сухожилий войны» (военная экономика, рабочие, города, аграрное общество, финансы, ученые, блокада и экономическая война), поиска мира (дипломатия, нейтралитет, пацифизм, континуум насилия) [16]. Сквозь всю книгу магистральной линией проходит тезис о транснациональности и глобальности последствий этой войны на мировой политической ландшафт (исчезновение столетних империй и распространения в ту эпоху относительно новой формы политического устройства – национальных государств). Исследователи подчеркивают изменения значения и роли государства, его институтов в жизни общества и др. Особый интерес представляет вторая глава тома. Авторы этой части пишут, что «война 1914–1918 гг., которая должна была стать последним вооруженным конфликтом в истории человечества», на самом деле продемонстрировала новые возможности для использования армейских сил там, где раньше они не применялись. Если внимательно проанализировать военную мысль в годы Первой мировой войны, то будет очевидно, что в ней отражена не безысходность позиционной стратегии, а активный поиск новых форм к использованию разных видов войск, их коммуникации и координации действий, нового вооружения, попытки его применения для перелома в войне. Не менее интересными являются коллективные рассуждения в третьей части о том, что страны Антанты (Великая Британия, Франция, США) смогли победить не только, а главное, не столько за счет своих экономических ресурсов, сколько благодаря внутреннему демократическому устройству, которое позволяло более эффективно справляться с трудностями в годы войны. Другими словами, «победа была одержана на поле боя и домашнем фронте» [16, р. 357]. В последнем параграфе второго тома были высказаны следующие суждения: архитекторы послевоенного мироустройства не только не создали прочной системы международных отношений, но и открыли новую эру революционных и контрреволюционных войн, национально-освободительных движений, которые, независимо друг от друга, пытались ликвидировать мирные договоры 1919–1920 гг. [16, р. 493].

Третий том посвящен влиянию Великой войны на гражданское общество [17]. С одной стороны, главный редактор и авторы статей пытаются расширить исследовательский фокус и продемонстрировать масштабное влияние войны на все сферы жизни социума, с другой – стремятся рассматривать войну с точки зрения не только государства и его институтов власти, как этой делали историки минувших поколений. В последней публикации рассматриваемого трехтомного издания было решено сделать основной акцент на таких аспектах, как частная жизнь (семья, дети и т. п.), гендер, основные группы населения (беженцы, переселенцы, пленные, национальные меньшинства), вопросы медицины во время войны (посттравматический синдром, испанка), социальная история культурной жизни («мобилизация интеллекта», верования и религия, солдаты – писатели и поэты, кинотеатры, искусство, военные мемориалы), последствия войны и ее влияние на общество. Особое внимание стоит уделить двум разделам последнего тома.

Первый раздел касается медицинской тематики. Большой интерес вызывает подготовленная Дж. Уинтером статья о влиянии на солдат посттравматического синдрома (*shell-shock*). Автор исследует, как медики боролись с этой болезнью, какое количество солдат пострадало от нее и возможно ли точно узнать их число, насколько успешной была интеграция искалеченных солдат к послевоенной мирной жизни. В связи с современными событиями нельзя не обратить внимания на материалы об испанском гриппе, тем более что пример этого страшного вируса, который унес жизни сотен тысяч людей, еще раз демонстрирует деконструкцию национальных нарративов, ведь, анализируя его последствия, нельзя ограничиваться рамками одного государства или нации.

Второй раздел посвящен культурной жизни в годы Первой мировой. Эта сфера очень важна, поскольку именно работы в разных областях культуры (литература, живопись, кинематограф) создают для большинства народов символическое пространство, через которое следующие поколения конструируют свои представления о Великой войне. Классическим примером является британская литература военных лет. Как убедительно показал в своей известной работе американский исследователь П. Фассел, сочинения британских поэтов и писателей имели огромное значение на восприятие этой войны последующих поколений не только в Британии, но и в других англоязычных государствах [18; 19]. Кроме того, не менее важна роль ученых в период Первой мировой войны. Невозможно представить себе, как бы функционировали в военные годы пропагандистские структуры при правительствах разных стран без привлечения к этой работе интеллектуалов, деятелей науки и искусства, без появления и адаптации научных достижений того времени для военных целей. Такой список примеров можно было бы еще долго продолжать.

Выводы

Перечень рассмотренных книг Дж. Уинтера, проанализированных в данной статье и не вошедших в данное исследование, является своего рода демонстрацией этапов развития западной историографии Первой мировой войны в XX в. (социальная и культурная история, *memory studies*, транснациональная история), которые не были надлежащим образом изучены советской и постсоветской историографией. Вместе с тем возможности и ресурсы, которыми обладают ученые с бывших советских республик, часто недооцениваются. Транснациональный подход в исследованиях известного американского историка

и других работах его западных коллег, раскрывающие новые возможности в научных разработках Великой войны, побуждает задуматься о том, когда же появится история Восточного фронта 1914–1918 гг., написанная многонациональным коллективом исследователей в обобщающем ключе. Сумеют ли историки с постсоветского пространства достойно справиться с такой задачей и осуществить масштабный проект, в центре которого будет транснациональное измерение войны? Или национальный нарратив будет все еще доминировать? Эти вопросы остаются открытыми.

Библиографические ссылки

1. Бетлій О. Перша світова війна та Україна: неперехрещені шляхи історії та пам'яті. *Україна модерна*. 2016;23:15–22.
2. Бетлій О. Чи можливий «міський поворот» в українській історіографії, або, Чого нас може навчити західна історіографія Першої світової війни та місто Київ. У: Касьянов Г, Гайдай О, упорядники. *Історія, пам'ять, політика*. Київ: Інститут історії України НАН України; 2016. с. 53–72.
3. Дудко О. Між історіографією і дидактикою: Перша світова війна у шкільних підручниках з історії України. У: Касьянов Г, Гайдай О, упорядники. *Історія, пам'ять, політика*. Київ: Інститут історії України НАН України; 2016. с. 101–111.
4. Минц ММ. Винтер Дж., Прост А. Великая война в истории: дискуссии и споры с 1914 г. до настоящего времени. (Реферат). *Россия и современный мир*. 2014;2:120–132.
5. Минц М. Винтер Дж., Прост А. Великая война в истории: дискуссии и споры с 1914 г. до настоящего времени (реферат). В: Глебова ИИ, редактор. *Россия в Первой мировой войне: новые направления исследований*. Москва: [б. и.]; 2013. с. 19–35.
6. Баранов Н. Первая мировая в популярной культуре памяти. *Вестник Пермского университета. Серия: История*. 2018;4:31–39.
7. Николаи Ф. Память о Первой мировой войне в современной англоязычной историографии: между опытом и нарративом. *Вестник Нижегородского университета имени Н. И. Лобачевского*. 2018;4:68–71.
8. Уинтер Дж. Война, память, воспоминание. *Диалог со временем*. 2016;56:5–15.
9. Уинтер Дж, Николаи ФВ. Места памяти и тени войны. *Вестник Мининского университета* [Интернет]. 2016 [процитировано 3 апреля 2020 г.];1–2. Доступно по: <https://vestnik.mininuniver.ru/jour/article/view/163> (дата просмотра - 03.04.2020).
10. Winter J, editor. *The Cambridge history of the First World War. Volume 1*. Cambridge: Cambridge University Press; 2014. 771 p.
11. Winter J, Robert J-L, editors. *Capital cities at war: Paris, London, Berlin. 1914–1919. Volume 1. Social history*. Cambridge: Cambridge University Press; 1999. 622 p.
12. Winter J, Robert J-L, editors. *Capital cities at war: Paris, London, Berlin. 1914–1919. Volume 2. Cultural history*. Cambridge: Cambridge University Press; 2007. 562 p.
13. Winter J, Prost A. *The Great War in history. Debates and controversies, 1914 to the present*. Cambridge: Cambridge university press; 2005. 250 p.
14. Winter J. *Remembering war: the Great War between memory and history in the twentieth century*. New Haven: Yale University Press; 2006. 347 p.
15. Winter J. *War beyond Words. Languages of Remembrance from Great War to the Present*. Cambridge: Cambridge university press; 2017. 252 p. DOI: 10.1017/9781139033978
16. Winter J, editor. *The Cambridge history of the First World War. Volume 2*. Cambridge: Cambridge University Press; 2014. 802 p.
17. Winter J, editor. *The Cambridge history of the First World War. Volume 3*. Cambridge: Cambridge University Press; 2014. 763 p.
18. Fussell P. *Great War and Modern Memory*. Oxford: Oxford University Press; 1975. 363 p.
19. Фассел П. *Великая война и современная память*. Санкт-Петербург: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге; 2015. 470 с.

References

1. Betlij O. [World War I and Ukraine: not crossing the path of history and memory]. *Ukrainian moderna*. 2016;23:15–22. Ukrainian.
2. Betlij O. [The possibility for an «urban turn» in Ukrainian historiography, or What can we learn from the Western historiography of World War I and the history of Kyiv]. In: Kasyanov G, Gajdaj O, compilers. *Istorija, pam'jat', polityka* [History, memory, politics]. Kyiv: Institute of the History, National Academy of the Sciences of Ukraine; 2016. p. 53–72. Ukrainian.

3. Dudko O. [Between historiography and didactics: World War I in Ukrainian history school textbooks]. In: Kasyanov G, Gajdaj O, compilers. *Istoriya, pam'jat', polityka* [History, memory, politics]. Kyiv: Institute of the History, National Academy of the Sciences of Ukraine; 2016. p. 101–111. Ukrainian.
4. Mints MM. Winter J., Prost A. The Great War in History: Debates and Controversies, 1914 to the Present (a digest). *Russia and the Contemporary World*. 2014;2:120–132. Russian.
5. Mints MM. [Winter J., Prost A. The Great War in history: debates and controversies, 1914 to the present (a digest)]. In: Glebova II, editor. *Rossiia v Pervoi mirovoi voine: novye napravleniya issledovaniia* [Russia in World War I: New Directions of Research]. Moscow: [s. n.]; 2013. p. 19–35. Russian.
6. Baranov N. [World War I in popular culture of memory]. *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya: Istoriya*. 2018;4:31–39. Russian.
7. Nikolai F. Memory of the First World War in contemporary English historiography: between experience and narrative. *Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod*. 2018;4:68–71. Russian.
8. Winter J. War, memory, remembrance. *Dialog with the Time*. 2016;56:5–15. Russian.
9. Winter J, Nikolai F. Places of memory and the shadow of war. *Vestnik Mininskogo universiteta* [Internet]. 2016 [cited 2020 April 3];1–2. Available from: <https://vestnik.mininuniver.ru/jour/article/view/163>. Russian.
10. Winter J, editor. *The Cambridge history of the First World War. Volume 1*. Cambridge: Cambridge University Press; 2014. 771 p.
11. Winter J, Robert J-L, editors. *Capital cities at war: Paris, London, Berlin. 1914–1919. Volume 1. Social history*. Cambridge: Cambridge University Press; 1999. 622 p.
12. Winter J, Robert J-L, editors. *Capital cities at war: Paris, London, Berlin. 1914–1919. Volume 2. Cultural history*. Cambridge: Cambridge University Press; 2007. 562 p.
13. Winter J, Prost A. *The Great War in history. Debates and controversies, 1914 to the present*. Cambridge: Cambridge university press; 2005. 250 p.
14. Winter J. *Remembering war: the Great War between memory and history in the twentieth century*. New Haven: Yale University Press; 2006. 347 p.
15. Winter J. *War beyond Words. Languages of Remembrance from Great War to the Present*. Cambridge: Cambridge university press; 2017. 252 p. DOI: 10.1017/9781139033978
16. Winter J, editor. *The Cambridge history of the First World War. Volume 2*. Cambridge: Cambridge University Press; 2014. 802 p.
17. Winter J, editor. *The Cambridge history of the First World War. Volume 3*. Cambridge: Cambridge University Press; 2014. 763 p.
18. Fussell P. *Great War and Modern Memory*. Oxford: Oxford University Press; 1975. 363 p.
19. Fassel P. *Velikaya voina i sovremennaya pamyat'* [The Great War and modern memory]. Saint Petersburg: Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge; 2015. 470 p. Russian.

Статья поступила в редколлегию 28.04.2020.

Received by editorial board 28.04.2020.